

ГЛАВА I

АРХИТЕКТУРА И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГРОБНИЦЫ

Весной 1984 г. на территории завода «Автоагрегат» в Ереване при прокладке новой траншеи для трубопровода, экскаватором были вскрыты три угловых камня перекрытия сооружения, через образовавшееся отверстие виднелось большое помещение, выложенное камнем. Археологи, авторы настоящей работы, сразу же определили, что обнаружена древняя гробница и приступили к изучению этого уникального сооружения.

Рядом в той же траншее было открыто ранне-бронзовое погребение в виде каменного ящика с групповым захоронением, содержащим шесть скелетов. Погребальный инвентарь состоял из двух бронзовых кинжалов, чернолощенных сосудов с вдавленно-кружковым орнаментом. Неподалеку от него было обнаружено и другое погребение относящееся к эпохе средней бронзы, где были найдены черная керамика с белой инкрустацией, расписные монохромные сосуды, каменная булава и обсидиановые наконечники стрел, два бронзовых кинжала и небольшой бронзовый котел. В конце траншеи имелись следы и других разрушенных погребений, из которых было собрано несколько десятков фрагментов сосудов датируемых началом I тыс. до н. э.¹. Эти находки свидетельствуют как о долговременном функционировании могильника, так и о том, что открытая гробница была построена на территории некрополя местных племен.

Внутри гробницы земли не было, однако она была заполнена водой глубиной 0.70 м. Это были грунтовые воды, покрытые пленкой из смеси масел и станочной эмульсии, просочившейся через восточную стенку одного из близлежащих цехов завода. Появление воды в гробнице, по-видимому, объясняется повышением уровня грунтовых вод, в связи с возведением фундаментов многочисленных заводских построек, сооруженных в 50-х годах.

Гробница ориентирована по оси север-юг, с азимутом в 10°, однако, при указании сторон, для упрощения, мы принимаем ее ось за север-юг. В плане она представляет собой прямоугольник дли-

ной 3.46, шириной 2.00—1.97, высотой от плит пола до перекрытия 2.15 м.

Гробница сложена из туфовых камней различных оттенков—красного, черного и темно-коричневого. Пол ее, тщательно нивелированный, выложен из отесанных туфовых плит на земляной основе. Стены состоящие из пяти рядов кладки, выложены туфовыми блоками, плотно подогнанными друг к другу, кладкой в два ряда, наружная сторона которых представляет собой грубо обработанные блоки на глиняном растворе. Дверной проем гробницы, к которому подходит дромос, находится на северной стороне камеры (высота проема 1.29 м, ширина 0.75, глубина 0.45 м). Со стороны дромоса к внешней стороне дверного проема вплотную уложена большая плита, полностью прикрывающая дверной проем. Стены дромоса выложены из мелких голышей. Полностью раскрыть и установить размеры и конструкцию дромоса невозможно, так как он находится под сооружением ныне действующего цеха завода.

В стене, на высоте второго ряда кладки устроены маленькие ниши (0.50×0.50×0.50 м): одна из них—в южной и три в западной стороне. Кроме них, в восточной стене имеется более глубокая (1.01 м), большая ниша. Большая ниша, как и маленькие, расположена на уровне второго нижнего ряда кладки и имеет длину 2.06 м, глубину 1.01 м, а высоту 1.22 м, с чистотесанными внутренними стенами.

Перекрытие же гробницы было возведено следующим образом. Последний, пятый верхний ряд камней кладки камеры гробницы слегка выдвинут вперед (на 0.13—0.18 м), образуя своеобразный карниз, проходящий по всему внутреннему периметру камеры. Само перекрытие состоит из пяти туфовых блоков, которые опирались на карниз верхнего ряда кладки. Над восточной нишей они упираются на перекинутую плиту, совпадающую по размерам с карнизом. Плиты перекрытия имеют удлиненную форму шириной от 0.37 до 0.64 м, тол-

щиной 0.45 м. В южной части погребения перекрытие несколько иное, оно состоит из четырех удлиненных плит, с косым торцовым разрезом, вплотную уложенных перпендикулярно основным плитам перекрытия. Интересно решено и перекрытие большой ниши. Здесь выступающий пятый камень, карниз длиной 2.37 м и шириной 0.52 м, одновременно служит перемычкой ниши и частью ее перекрытия, а также опорой вышеуказанной поперечной балки, поддерживающей плиты перекрытия основной камеры. За перемычкой, вплотную к ней, расположены еще две туфовые балки шириной 0.32—0.25 м, образующие перекрытие большой ниши и опирающиеся на ее южные и северные стены.

В погребении был обнаружен богатый археологический материал.

В трех нишах западной стены стояло по одной урне, заполненной костями раздробленного человеческого скелета, в перемешку с костями птиц и животных. В большой восточной нише стоял крупный сосуд украшенный тремя бычьими головами и небольшая миска, на днище которой сохранилось клеймо с изображением зайца. Остальной керамический инвентарь состоял из урн, в которых сохранился кремированный прах крупного безручного кувшина со сливом в виде львиной головы, крупной миски и чаш, светильника и безручного кувшина. Все это было расположено в северо-восточном углу камеры гробницы.

В погребении были обнаружены три тайника. Первый из них был расположен под плитами камеры западной стены. Здесь были обнаружены остатки бронзового колчана, чаша, связка агатовых бус и гиревидная печать из гишера с изображением грифона и полумесяца². Второй тайник был расположен под плитами пола вдоль восточной стены, где были найдены витые браслеты, с головами змей на контах. Третий тайник был обнаружен под полом большой восточной ниши и был покрыт сверху плотно утрамбованными мелкими сколами туфа, образующими пол ниши. В нем найдены фрагменты двух бронзовых поясов и крупный фрагмент третьего: части удила, бляхи, змееголовые браслеты, железные меч, нож, кинжалы, бронзовые гвозди, котел и т. д.

Таким образом, погребальные атрибуты, обнаруженные в основной камере, нишах, в тайниках под полом камеры и в забутовке пола большой ниши, состоят из различных керамических изделий, предметов вооружения, украшений, которые пополняют немногочисленную группу урартских изделий VIII в. до н. э., что еще более увеличивает их научную значимость, так как основной материал

урартских изделий, известный до сих пор, датируется VII в. до н. э.

Керамика представлена небольшой группой парадных сосудов с темно-вишневой блестящей ангобированной поверхностью, которые по своим формам делятся на ряд типов.

К первому типу относятся пять крупных широкогорлых безручных кувшинов с шаровидным или несколько вытянутым туловом, снабженным сравнительно высокими (около 1/4 общей высоты) шейками с четким отогнутым наружу округлым венчиком. Днища их широкие, кольцевидные. У всех кувшинов описанной формы основание шейки отделено от верхней части тулова крупной рельефной линией, имитирующей аналогичный орнамент на металлических сосудах бомбовидной формы и одноручных кувшинах с венчиком в виде ойнахои из Кармир-блур³, Топрах-кале, Ризае, Нуши-джана⁴, Алишара, Алтын-тепе⁵, Парска-айка⁶.

Подобная имитация металлических сосудов в керамике Ванского царства, явление не единичное и вышеописанные формы встречаются среди керамического инвентаря из Кармир-блур⁷, Эребуни⁸, Аргиштихинили⁹, Ошакана¹⁰, Бастама, Алтын-тепе, Зивие, Арцке, Айкаберда, Патноца, Каялидере, Норшун-тепе и многих других памятников Западной Армении и Ирана¹¹.

На плечиках трех сосудов из гробницы имеются три сквозных отверстия образующих треугольник, а у двух других—по два. На днищах двух сосудов сохранились оттиски—на одном штампованный оттиск оваловидной формы, внутри которого профилно изображен бегущий заяц, с вытянутым туловом, коротким торчащим хвостом, подогнутыми задними и вытянутыми передними ножками. Схематически изображенная небольшая головка снабжена двумя длинными торчащими, вытянутыми несколько назад большими ушами и глазом, отмеченным точкой. На днище другого сосуда просматривается оттиск в виде серповидного предмета.

Три сосуда с остатками костей были погребальными урнами, остальные два сосуда, установленные на полу камеры, были пустые.

Подобные урны из памятников на территории Республика Армения известны из Эребуни¹², Армавира (Аргиштихинили), старых раскопок Уварова, которые были значительно пополнены раскопками А. А. Мартиросяна. Четыре из них найдены в каменном саркофаге¹³, а две другие имеют несколько иную карасовидную форму. Еще две урны были найдены случайно. Одна из них была найдена вместе с небольшим количеством урартских металлических изделий в Таза-гюхе близ Ере-

вана¹⁴, а другая в селе Ошакан. Большое количество подобных или несколько иной формы погребальных урн найдено на территории Западной Армении и северо-западного Ирана (Парскаайк), — в Игдыре¹⁵, Арцке¹⁶, Личе¹⁷, Дедели¹⁸, Алтын-тепе¹⁹, где три найденные металлические шаровидные и три карасовидные урны, которые по форме несколько перекликаются с аналогичными урнами из Аргиштихинили.

Сравнительная малочисленность подобных урн среди огромного количества ванской керамики, обнаруженной при раскопках многочисленных биайнских памятников, объясняется малой изученностью урартских погребений.

Изучение сквозных отверстий на вышеуказанных урнах показало, что они просверлены после обжига и, следовательно, эти сосуды не готовились специально для погребальных целей. В качестве урн использовалась обычная бытовая керамика, чем и объясняется наблюдаемое разнообразие урартских урн в виде безручных кувшинов (Ереванская гробница и Алтын-тепе), небольших карасов (Аргиштихинили и Алтын-тепе), одноручных кувшинов (Игдыр), горшков (Нор-Ареш), двуручного кувшина (Ошакан) и различных карасовидных сосудов в целом ряде вышеуказанных памятников Западной Армении.

Эта проблема была также рассмотрена Б. А. Куфтиным, который считал, что отверстия на плечиках погребальных урн, просверливались на совершенно готовых и обожженных сосудах, вероятно, перед тем, как положить в них пепел. Поэтому, вполне оправдано наше предположение, что урнами служила бытовая, а для знати, в основном, парадная посуда. По мнению Б. А. Куфтина, наличие этих отверстий объясняется верованием в бессмертие души, которая не покидает окончательно прах покойного даже после его сожжения²⁰.

Это мнение подтверждается Г. А. Капанцяном, заметившим, что в урартском пантеоне имеется упоминание о боге, который «души переводит»²¹.

Употребление сосудов в погребальном обряде наблюдается в Армении и позже — в эллинистическую эпоху. Так, в Ошаканском могильнике часть погребений античного времени производилась в небольших карасах, крупных горшках, кувшинах и даже в маслбойке.

Вторую группу образуют два сосуда с зооморфными украшениями. Один из них представляет собой крупный широкогорлый безручный кувшин с округло-вздутым туловом, с аналогичной, вышеописанным урнам, шейкой, с четко отмеченным венчиком. Дно в нижней части суживается и снабжено

кольцевидным выступом. Вся поверхность сосуда покрыта тремя орнаментальными поясами. Верхний образован многорядными короткими, глубокими каннелюрами, нижние стороны которых соединены полукружьями, придающими им лепестковидную форму. Нижний пояс покрыт такими же, но более удлиненными каннелюрами и, в отличие от первых, полукружья здесь соединяют верхние части. Пространство между ними, образующее третий орнаментальный пояс, в свою очередь состоит из горизонтально-параллельных двурядных линий, внутреннее пространство которых заполнено группами из двух, четырех и пяти вертикальных коротких линий, выполненных вдавливанием. Суживающаяся придонная часть украшена тремя вдавленными горизонтальными линиями, придающими ей форму своеобразной гофрировки. На плечике сосуда помещена рельефная фигурка льва с поврежденной в древности головкой, которая иконографически перекликается со статуэткой льва, украшающей крышку каменной шкатулки из Кармир-блур²², что еще раз подтверждает ее биайнское происхождение. От раскрытой пасти хищника, внутрь сосуда, отходит трубка, соединенная с выступом округлой формы на дне, имеющем четыре отверстия. Благодаря этому приспособлению головка льва служила своеобразным сливом. Сосуды с трубчатым сливом, отходящим от днища, известны нам из двух пунктов. Один из них, имеющий аналогичное строение с описанным, происходит из раскопок биайнского погребения в Севанском бассейне²³. Другой, случайно найденный в Нагорном Карабахе, хранящийся в краеведческом музее г. Степанакерта, имеет несколько иную форму. Его трубка расположена не под сливом венчика, а проходит через ручку сосуда. Что же касается сосуда из гробницы, то необходимо отметить, что около головы хищника, по обе ее стороны, впоследствии проделаны два сквозных отверстия, указывающие на то, что и этот сосуд служил погребальной урной. Без сомнения, подобные сосуды не имели утилитарного значения и применялись лишь при исполнении некоторых ритуалов и церемоний. Что же касается орнамента в виде каннелюр, то он встречается на одноручном кувшине темно-вишневого цвета из Аргиштихинили, который датируется VIII в. до н. э., что является дополнительным обоснованием для датирования гробницы²⁴.

Второй сосуд, найденный в гробнице, крупный безручный кувшин с округло-вздутым туловом, чуть заметной шейкой, широким загнутым внутрь горизонтально поставленным венчиком, украшенным широкой глубоко вдавленной полоской. Плечики

сосуда украшены двумя парами вдавленных линий, между которыми проходит цепочка, образованная двумя рядами обращенных друг к другу скобок. К внешней стороне венчика прикреплены симметрично расположенные три скульптурки бычьих голов. Головы животных выполнены тщательно. Ноздри дополнительно украшены полукруглыми линиями, крупные глаза овальной формы имеют точечно отмеченные зрачки и полукруглые надбровные дуги. Особенно тщательно выражены кривые заостренные рога.

Подобные глиняные сосуды хорошо известны по находкам из урартских и местных памятников Ара-ратской долины. К их числу следует отнести замечательный чернолощенный кувшин из помещения 16, Кармир-блур. Под венчиком сосуда проходит рельефный пояс с двухцветной росписью, выполненной черным и коричневым цветом по желтому фону. Роспись состоит из кружков коричневого цвета с черным пятном посередине, пространство поверх кружков закрашено черной полоской, а снизу их обрамляет коричневая линия. Этот пояс расчленен тремя скульптурными головками быков высотой 6 см²⁵. Глиняные кувшины, украшенные аналогичными бычьими головками, найдены также в городских кварталах Тейшебаини²⁶, Двина²⁷, Патноца²⁸.

Без сомнения, глиняные сосуды, украшенные бычьими головами, имитируют бронзовые, хорошо известные по находкам из различных памятников Ванского царства. Кроме цельных сосудов большую группу образуют отдельно найденные бронзовые головки быков, некогда украшавшие урартские кувшины, ведерки и особенно котлы, происходящие в большом количестве из Вана (Тушпа), Гуши (побережье оз. Урмия). Цельные же котлы, с закрепленными к бортам бычьими головками, были обнаружены в Алтын-тепе, Куме. Алишаре, Гордионе²⁹, а также в случайных находках на территории Турции, впоследствии попавших в музеи Европы и даже Японии³⁰.

Среди прочих керамических сосудов имеется один широкогорлый кувшин с округло-вздутым туловом, широкой, по-видимому, высокой шейкой сломанной в основании. Были найдены также две крупные миски и пять чаш. Одна из мисок имеет округлое тулово, прямые борта с вертикальным округлым венчиком, днище кольцевидное. Под венчиком проходит глубокая бороздка. Вторая миска, более плоская, с висячим венчиком и плоским днищем. Найденные здесь пять небольших мисок делятся на две группы. Три из них имеют округло-расширяющееся тулово, одна со слегка профили-

рованными бортами и вдавленным днищем, две другие имеют аналогичную форму, но отличаются кольцевидными днищами и профилированными бортами. Под венчиком одной из них проходит вдавленная, а у другой-рельефные линии. На днище одной из этих мисок, как и на днище одного из описываемых оссуариев, имеется клеймо в виде бегающего зайца (табл. IX, 7). Подобные клейма известны также на одном из сосудов, найденных в Эребуни³¹.

Последним глиняным сосудом, найденным в гробнице, является крупный светильник с округлыми бортами и срезанным венчиком, с прямой высокой внутренней перегородкой, снабженной двумя сквозными отверстиями. Аналогичные крупные светильники с прямой перегородкой и двумя сквозными отверстиями найдены и в Эребуни³², которые были обнаружены под каменной засыпкой пола вместе с девятью черными карасами и широкогорлым кувшином. Стратиграфические особенности и сама керамика Эребуни (окраска, форма кувшинов и т. д.) позволяют датировать эти изделия VIII в. до н. э., что имеет важное значение для дополнительного уточнения времени сооружения гробницы.

Кроме керамических сосудов найдено большое количество различных металлических изделий, среди которых значительное место занимают предметы вооружения и конской упряжи.

Предметы вооружения представлены железными кинжалами, наконечниками стрел и бронзовыми деталями панцирей и колчанов. К сожалению, основная масса этих изделий, как уже говорилось выше, была предварительно сломана, поэтому некоторые предметы не реконструировались. Среди находок выделяется крупный железный меч длиной около 0.90 м, который приближается по размерам к известному скифскому мечу из Кармир-блур³³. Он имеет длинный, двусторонний суживающийся к острию клинок (около 0.80 м). Рукоять не сохранилась и поэтому, условно, мы придали ей форму рукояти одного из найденных здесь же кинжалов, который имеет плоский язычок с сохранившимися следами гвоздей на нем и на плечиках для закрепления деревянных и костяных накладок. Клинок меча украшен тремя параллельными не-вюрами, проходящими по всей длине. Найденные здесь три кинжала делятся на два типа. Первый из них повторяет форму меча. Он также имеет заостряющийся к острию клинок. Ручка (общая длина 0.42 м) с обеих сторон имеет невысокие борта, которые переходят на плечики клинка для плотного приложения накладок. Подобная рукоять

«эфеса кинжала (повидимому, и меча) придает ему форму рукоятей, так называемых переднеазиатских кинжалов, которые появились на Армянском нагорье еще в эпоху средней бронзы, бытуя до VIII в. до н. э. Эфес этого кинжала одновременно напоминает фигурные рукояти кинжалов и мечей из Кармир-блур, снабженных бронзовыми обкладками³⁴.

Два других кинжала имеют аналогичные формы, но отличаются сечением клинка. Первый из них имеет длинный равномерно суживающийся к острию клинок, украшенный невярами и снабжен коротким плоским язычком для закрепления рукояти. Второй кинжал имеет аналогичное строение с овальным сечением, но лишен невяров. Кроме кинжалов, найден небольшой нож со сломанным острием. Он имеет одностороннее лезвие с тупой спинкой и короткий плоский язычок для закрепления рукояти. Близкие аналоги этого ножа известны из игдырского колумбария.

Небольшую группу образуют три наконечника копий. Все они имеют листовидные овальные в сечении клинки и длинные полые втулки с четко заметным швом. Подобные копия хорошо известны из Кармир-блур³⁵, Аргиштихили³⁶. Алтын-тепе³⁷, которые снабжены, однако, срединными ребрами.

Найденные здесь два железных наконечника стрел имеют миндалевидную форму с овальным сечением и снабжены прямыми черенками для насадки древка. Подобные наконечники, найденные в развалинах различных помещений Кармир-блур, хорошо известны³⁸. Особенно примечательно, что среди 18 бронзовых колчанов, найденных в Кармир-блуре, во многие из которых, вложены по 35-38 стрел аналогичной формы³⁹, пять имеют клинообразные надписи урартских царей VIII в. до н. э., Аргишти I и Сардури II. Эти находки явно указывают на то, что хотя эти стрелы найдены в памятнике VII в. до н. э., они имеют более раннюю датировку и бытуют на протяжении долгого времени. Подобные наконечники стрел, кроме Кармир-блур, найдены также в Эребуни⁴⁰, Топрах-кале⁴¹, Каялидере⁴², Айкаберде⁴³, Алтын-тепе⁴⁴, Игдыре⁴⁵ и т. д.

К числу предметов воинского снаряжения относятся и два колчана, имеющих форму суживающихся книзу полых трубок, высотой 0.55 м. Диаметр верхнего отверстия 0.15 м, нижнего—0.09 м. Корпус обоих колчанов украшен многорядными рельефными линиями, а к бортам гвоздями прибиты по два бронзовых колечка для продевания ремня.

Открытые нижние концы обоих колчанов явно

свидетельствуют о том, что на них натягивались кожаные зставки, предохранявшие ноги воинов от жесткого трения при ходьбе. Бнайские колчаны, как правило, имели форму незамкнутой трубки, изготовленной из бронзовых листов. Однако колчаны из Ереванской гробницы несколько отличаются от остальных известных нам. Так все 18 кармирблурских колчанов имеют прямой не суживающийся корпус. Причем у них, в отличие от наших, открыт не только нижний, но и один боковой край. Ту же форму имеют колчаны из Топрах-кале, Алтын-тепе⁴⁶, Каялидере⁴⁷ и один такой же колчан, датированный VIII—VII вв. до н. э., найден в центральных районах Урарту (хранится в Швейцарии⁴⁸). Кроме того, рассматриваемые колчаны отличаются и по диаметру и высоте трубок. Так диаметр кармирблурских колчанов 0.10 м, а колчана найденного в центральных районах Урарту—11,5 см. Хотя верхний диаметр колчанов из Ереванской гробницы 0.15 м, они вмещали меньше стрел, так как их нижний диаметр 0.09 м.

Как видим, наши колчаны относятся к простым, не орнаментированным формам, хотя в Ванском царстве встречаются и богато украшенные. К их числу относятся колчаны из Кармир-блур с почитательной надписью Сардури-сына Аргишти. На них, в восьми полосах, помещены чередующиеся изображения боевых колесниц и всадников. На колесницах по две фигуры, одна безбородая-возница, другая, бородатая—воина. Этот мотив изображения всадников и колесничих широко известен в урартском искусстве и часто встречается на шлемах и бронзовых поясах. Неизвестный ранее мотив изображений встречается на вышеуказанном колчане, хранящемся в Швейцарии, на котором в трех полосах изображено шествие людей в длинных платьях с короткими мечами на боку.

В их вытянутых руках кувшины, ведерки и ритоны. Интересно, что в верхнем ряду процессия двигалась навстречу друг другу, а в среднем и нижнем рядах—друг за другом.

В Ереванской гробнице найдены также полукругло изогнутые две пластины с крупным сквозным отверстием, которые, по всей вероятности, являлись обкладками лука. По своей форме они сближаются с аналогичными обкладками, найденными Б. А. Куфтиным в Триалети⁴⁹.

Кроме предметов вооружения в гробнице были обнаружены части конского убора. К их числу относятся железные удила от которых сохранились фрагменты двухчастных железных трензелей с кольцевидными выступами по краям. К сожалению,

псалин не сохранились. Подобные трензеля известны из Кармир-блуре⁵⁰ и Игдыра⁵¹.

К деталям конского убора относится бронзовый налобник коня в виде суживающейся пластины, украшенный двумя горизонтальными и одной вертикальной рельефными линиями и сквозными отверстиями для прикрепления к сбруе. Два конских налобника известны из Кармир-блуре: на одном из них сохранилась надпись Минуа⁵². В последние годы несколько конских налобных пластин, с надписью Минуа, было найдено в центральных районах Урарту (Западная Армения)⁵³.

Особенно примечательна одна из них, которая равномерно суживается книзу. Бордюр его украшен борющимися фигурками быков и львов и крылатыми гениями. В центральной части изображен бог Тейшеба, стоящий на быке, который помещен на мировом древе⁵⁴.

К частям конского убора относятся два колокольчика высотой 9 см, несколько отличающихся друг от друга. Первый из них имеет равномерно расширяющуюся колоколовидную форму, корпус которого украшен пятью рельефными параллельными горизонтальными линиями. Между третьей и четвертой линиями проделаны четыре прямоугольных сквозных отверстия. В его верхней части прикреплено круглое колечко, посредством которого он закреплялся к упряжи. Внутри сохранился железный язычок. Второй аналогичный колокольчик отличается округлостью форм корпуса и отсутствием украшений.

Колокольчики хорошо известны по раскопкам на Кармир-блуре, где они имеют несколько иную форму. Их округлые суживающиеся массивные стенки, отлитые вместе с дужкой для подвешивания, украшены вертикальными прорезями и елочным орнаментом. В одном случае сохранился железный язычок. Эти колокольчики интересны также тем, что они обнаружены с другими изделиями конского убора с надписью Минуа. Как отмечает Б. Б. Пиотровский подобные колокольчики были широко распространены в Закавказье и на Северном Кавказе: в Раче, казбекском кладе, в кургане у станицы Елизаветинской и других местах⁵⁵.

Распространение аналогичных колокольчиков по Закавказью и Северному Кавказу, где часто встречаются и другие биайские металлические предметы (мечи, шлемы и т. д.), свидетельствуют о широком экспорте металлических изделий Ванского царства в соседние страны. Вместе с ними на Кармир-блуре найдены колокольчики с надписью «Из хранилища (царя) Сардури»⁵⁶ и царя Аргишти⁵⁷, близкие к первому варианту колокольчиков

Ереванской гробницы. Интересны находки подобных колокольчиков из Алишарской гробницы, на одной из которых сохранилась короткая однострочная надпись, содержащая имя царя Аргишти I⁵⁸.

Колокольчики подобной формы в последние годы найдены в случайных раскопках на территориях Западной Армении и северо-западного Ирана. Хранятся они в Базельском и Британском музеях. То же самое можно сказать о колокольчиках второго варианта, которые происходят из тех же районов и хранятся в музеях Майнца и Базеля⁵⁹.

По-видимому, к частям конского убора относятся также бронзовые конусообразные репы с кнопочными вершинами высотой 2.5—4.5 см, диаметром 6—8 см с крупной дугообразной петлей с внутренней стороны, для пришивания к матерчатой или кожаной основе.

Подобные репы известны из игдырского могильника. Б. А. Куфтин отмечает, что их назначение не вполне ясно, но наличие петельки для пришивания говорит о том, что они могли принадлежать конской упряжи⁶⁰. Особенно интересна находка двух подобных изделий в алишарской гробнице, которые Б. Б. Пиотровский рассматривает в качестве бляшек конского убора⁶¹. Одна из них совершенно аналогична рассматриваемой нами, другая — ажурная, с клиновидными сквозными отверстиями. В отличие от наших, она имеет не кнопочную, а округлую головку. Алишарский комплекс содержит, кроме указанных колокольчиков и репий, также детали котла в виде крылатой женщины и бычьей головы и т. д., датируемые по упомянутой на колокольчике надписи Аргишти I, VIII в. до н. э., что еще раз свидетельствует в пользу нашей датировки Ереванской гробницы.

За последние годы, на территории Западной Армении, было найдено несколько кнопочных репий, которые хранятся в Базельском музее и датируются VIII—VII вв. до н. э.⁶²

Такие изделия с зершинами в виде парных зеринных головок или фигурок зверей, найдены в Асхази⁶³.

Бесспорно, к конской упряжи также относятся две круглые, слегка выпуклые бляшки с петелькой с внутренней стороны (диаметр 6 см). Внешняя поверхность первой украшена чередующимися четырьмя прямыми, с зернью, рельефными линиями и кнопочным выступом в центре. Вторая имеет аналогичное украшение с тем лишь отличием, что между двумя рядами рельефных линий проходят по две пары вдавленных. Подобные бляхи хорошо известны по находкам на Кармир-блуре, где они найдены в комплексе конского убора, с надписью

царя Минуа. Однако среди кармир-блурских блях имеются как совершенно гладкие, так и украшенные зернью и 14-лепестковыми розетками⁶⁴.

Такие же бляшки найдены и при случайных раскопках в различных пунктах Западной Армении (ныне хранятся в музеях Западной Европы: Лез-Аркса, Мюнхена, Швейцарии и др.)⁶⁵.

Похожая бляшка, украшенная многолепестковой розеткой и зернью происходит из Каялидере⁶⁶.

Подобные бляшки были найдены А. А. Мартиросяном, в одном из местных погребений IX—VIII вв. до н. э. макарашенского могильника⁶⁷.

Части конского убора были найдены и в богатом кироваканском кургане, наряду с железным оружием, различными украшениями, прекрасным поясом, орнаментированным семиконечной звездой. Они состояли из двух бронзовых удил, нескольких колокольчиков, сближающихся со вторым вариантом колокольчиков из Ереванской гробницы и восьми блях.

По своей форме они напоминают кармир-блурские, где обнаружено 120 подобных блях, одна из которых имела надпись царя Сардури. А. А. Мартиросян считает, что они имеют местное происхождение и несколько отличаются от урартских. Материалы из указанных погребений, в частности, украшения не составляют исключения, а часто встречаются в погребальных комплексах Норату-са, Хртаноца, погребения № 5 Гегарота, Мусиери, Ахпата и других, составляющих большую группу памятников Восточной Армении.

Вместе с тем он считает, что изделия из Кировакана и Макарашена, как и из других указанных памятников, не являются характерными изделиями биайнского населения эпохи урартской экспансии и мощного ассирийского культурно-экономического воздействия. Эти изделия, импортированные или изготовленные на основе древневосточных прототипов, являются, по его мнению, не только датируемыми эти погребальные комплексы VIII в. до н. э., но и указывающими на перевооружение племенных дружин оказывающих упорное сопротивление урартам⁶⁸.

В данном случае нас больше интересует не происхождение этих блях, которые на наш взгляд могут иметь и биайнское происхождение, а четкое обоснование рассматриваемых комплексов VIII в. до н. э.

Все выше рассмотренные материалы, в виде колокольчиков, блях, удил с надписями царей Минуа, Аргишти и Сардури—царей IX—VIII вв. до н. э., способствуют правильной датировке Ереванской гробницы.

Хотя территория Еревана была освоена лишь при Аргишти I, по всей вероятности, набеги сюда производились и раньше. Что же касается обнаружения мощных стен урартской крепости в Агашате, то, возможно, что они были основаны при Минуа, а следовательно, часть левобережья Араратской долины могла быть присоединена к Ванскому царству при нем.

Кроме крупных блях в гробнице обнаружена и одна небольшая (диаметр 4,2 см), которая хорошо перекликается с аналогичными изделиями из Кармир-блур, имеющими плоские борта и выпуклую среднюю часть.

Подобные бляхи, кроме принадлежности к конскому убору, могли служить и частями панциря. Это предположение подтверждается широко известным фактом обшивания подобными бляхами кожаных и матерчатых панцирей. Что же касается их применения в биайнских доспехах, то об этом свидетельствует находка из Кармир-блур—бляшка, орнаментированная, 12-лепестковой розеткой, найденная вместе с чешуйчатым панцирем. На лицевой стороне бляшки сохранилась надпись «Богу Халди-владыке. Этот панцирь Аргишти подарил»⁶⁹.

Кроме рассмотренных изделий, к предметам вооружения или конской упряжи может относиться фрагмент крупного кольца, служившего частью портупеи или упряжи коня.

Здесь также найдены один крупный и шесть мелких бронзовых гвоздей с полукруглыми шляпками, по-видимому, относящихся к частям мебели. Подобные гвозди известны из гробницы Каялидере, где они были найдены с частями мебели⁷⁰ и в Алтын-тепе⁷¹.

Вместе с ними в Ереванской гробнице найдены четыре ножки быка, изготовленные из узкой пластинчатой бронзы для закрепления на деревянные основы. Подобные части мебели, скорее всего тронов, в виде конских и бычьих бронзовых ножек с четко отмеченными копытами, хорошо известны из Алишара⁷², Кармир-блур⁷³ и Каялидере⁷⁴. Ножки тронов украшались и бронзовыми львиными лапами. Последние хорошо известны по находкам в Топрах-кале⁷⁵, Кармир-блуре⁷⁶. Аналогичные части мебели в виде ножек быков, коней и львов обнаружены в Алтын-тепе⁷⁷. Кроме указанных, три аналогичные львиные лапы, хранящиеся в музее Базеля, найдены в центральных районах Ванского царства⁷⁸.

Аналогичные по форме, но цельноотлитые ножки украшали канделябры из Топрах-кале⁷⁹ и Кармир-блур⁸⁰.

Особенно интересны канделябры датируемые

IX—VIII и VIII—VII вв. до н. э. найденные в последние годы из случайных раскопок в центральных районах Ванского царства, ныне хранящиеся в музеях Западной Европы⁸¹. Интересен и канделябр с надписью Русы II (Гамбургский музей), на изгибе ножек которого были помещены фигурки лежащих крылатых быков с человеческой головой и завершающиеся копытами, выходящими из львиной пасти⁸².

Кроме вышеописанных, к числу найденных в гробнице изделий, следует отнести небольшую группу металлической утвари состоящей из бронзового ведерка, чаши и двух ручек металлических сосудов. Ведерко изготовлено из тонкой листовой бронзы и имеет слегка суживающееся кверху тулово, переходящее в прямой округлый венчик (высота 11 см, диаметр 12 см). К бортам ведерка, как и колчанам, прибиты, выступающие над венчиком колечки, через которые проведены изогнутые концы круглой в сечении проволоочной дужки. Под венчиком проходит рельефная линия.

Подобные бронзовые ведерки и их изображения на фресках, хорошо известны в Ванском царстве. Так, в 1946 г. в кладовой 12 Кармир-блур, вместе с комплексом изделий, состоящим из частей мебели, бронзового пояса, бронзовой чаши и золотых серег, был найден обломок бронзового ведерка, борта которого, как у многочисленных бронзовых котлов, были украшены скульптурными головками быков⁸³. Несколько подобных серебряных и бронзовых ведерок, поступивших из территории центральных районов Ванского царства хранятся в европейских музеях. К их числу относятся ведерки из Швейцарского и Лез Аркского музеев. Все они близки по размерам к нашему (высота 9,6—11,6 см) и лишь слегка отличаются небольшой суженностью в центре корпуса. На одном из этих ведерок сохранилась надпись Ишпуини, сына Сарлури и Инушпуа, а на другом только Ишпуини⁸⁴.

Как видим, ведерко, как и значительная часть бронзового инвентаря Ереванской гробницы, принадлежит к группе изделий биайнского прикладного искусства, которые иногда носили посвященные надписи царей раннего периода Ванского царства. К этому же времени относится значительная часть изображений ведерок в руках различных богов на фресковой живописи. Так среди фресок перистильного двора и малого зала Эрбунни имеются сцены, где, в качестве культовых атрибутов гениев, выступают ведерки рассматриваемого типа⁸⁵.

Тот же атрибут наблюдается в руках крылатого

льва с человеческим торсом (Шеду), из большого зала дворца Эрбунни⁸⁶.

Не менее интересны сцены и на фресках из Алтын-тспе. Здесь, как и в Эрбунни, имеются фрагменты фресок с изображением древа жизни и стоящих вокруг него богов с ведерками в руках. Среди фрагментов этих фресок имеются также изображения Шеду, в левой руке которого находится ведерко аналогичной формы⁸⁷. Подобные ведерки имеются в руках Уарубани⁸⁸ и крылатых львов⁸⁹, изображенных на различных металлических изделиях.

Для типологического анализа и уточнения списка царей Ванского царства особенно примечательны три ведерка, найденные в центральных районах Ванского царства. Одно из них хранится в Токийском музее Восточного искусства. Оно близко по форме с ереванским, с тем лишь отличием, что его борта украшены рельефными бычьими головами⁹⁰. Эта находка с одной стороны позволяет восстановить форму кармирблурского, а с другой—дает возможность выделить новую группу изделий, борта которых украшались бычьими головками. Не менее интересно второе ведерко. Под ее венчиком, как и у остальных, проходит рельефная линия, а в верхней части тулова, поясok с изображением пальметок и плодов. Пространство между обоими поясами украшено изображением древа жизни, по сторонам которого стоят бородатые боги в длиннополых одеждах и головных уборах. Правые руки преподняты для благословения, а в вытянутых, слегка опущенных левых руках они держат ведерки, аналогичные тем, на которых они изображены⁹¹. Особенно интересно, для датировки подобных изделий, другое ведерко, в верхней части которого сохранилась надпись Ишпуини и его внука Инушпуа⁹².

Имя Инушпуа впервые упоминается в надписи около Тавризских ворот в Ване, где говорится, что Ишпуини вместе со своим внуком Инушпуа построили «susi бога Халди и ворота бога Халди»⁹³. В трех других надписях из Вана и Карахана, Инушпуа упоминается вместе с именем своего отца—Минуа. В этих надписях сообщается о возведении стел богам Халди, Хутуини и Шивини⁹⁴.

Факт упоминания Инушпуа в надписях деда и отца, а также наличие собственной надписи на одном бронзовом дисковидном предмете из Западной Армении, чрезвычайно интересен. Этому вопросу посвящена статья востоковеда В. Севина «Инушпуа сын Минуа»⁹⁵. Здесь автор считает, что Инушпуа, хотя и был одним из влиятельных царевичей и реальным претендентом на царский пре-

стол и даже какое-то время правил со своим отцом, о чем свидетельствуют вышеуказанные надписи, он так и не стал царем. Однако его надпись на вышеупомянутом диске свидетельствует, на наш взгляд, о его кратковременном правлении.

Иснимая спорность этого тезиса, В. Севин полагает, что Инушпуа восстал против Минуа и пользовался некоторой самостоятельностью. В пользу своего тезиса он приводит ахадскую надпись: «Ишпуини сын Сардури подарил Инушпуа свое собственное Кибару», где, как видим, не упоминается имя отца, Инушпуа, что В. Севин рассматривает как некоторое противоречие между Минуа и его сыном Инушпуа, и как попытку дворцового переворота, который вскоре был подавлен Минуа.

Как видим, в этом толковании очевидны некоторые противоречия. Как уже говорилось, имя Инушпуа упоминается как вместе с дедом Ишпуини, так и (трижды) вместе с отцом Минуа, то есть, уже после смерти Ишпуини.

Что же касается дарственной надписи Ишпуини на ведрке, то это не единственная надпись подобного рода. Как известно, имеется надпись из Катепанца близ «канала Минуа» сообщающая, что «Дочери Минуа Таририа (принадлежит) этот виноградник: Таририахинили—имя (его)»⁹⁶.

Наличие подобных надписей показывает, что в Биайнили существовал обычай не только дарения, но и подкрепления этого акта соответствующими правовыми надписями. Но подобные надписи ни в коем случае не могут свидетельствовать о противоречиях, тем более, о попытке дворцового переворота, как предполагает В. Севин.

Нам кажется, что Инушпуа даже наследовал престол Минуа, о чем говорит надпись на указанном дисковидном предмете, но на очень короткое время. Аргишти I, заменивший брата, естественно, не упоминал его имени и по принятой традиции указывал лишь имя отца.

К числу изделий металлической утвари, обнаруженной в Ереванской гробнице, относится прекрасная бронзовая чаша. Она имеет округло-расширяющееся тулсво, едва заметные профилированные борта и округло выступающий венчик. Вся ее поверхность, кроме бортов и кольцевидного днища, украшена трехрядными лепестковидными розетками. Лепестки каждого ряда, в свою очередь, имеют слегка овальную форму и с обеих сторон оконтурены короткими полукруглыми черточками и напоминают каннелюры вышерассмотренного керамического сосуда со сливом, украшенного фигуркой льва из гробницы и одноручного кувшина из Аргиштихинили.

По своей форме она сближается к чаше хранящейся в музее Лез Аркса, происходящей из центральных районов Ванского царства⁹⁷. Однако, последняя украшена не трехрядной розеткой, а крупными овальными рельефными лепестками, которые сверху оконтурены полукруглыми, рельефными линиями. На борту чаши сохранилась надпись Ишпуини.

Аналогичная по форме и орнаментальным мотивам чаша, также происходящая из центральных районов Ванского царства, хранится в музее Майнца, которую исследователи датируют IX—VIII вв. до н. э. Близость орнаментальных мотивов указанных чаш из музеев Лез Аркса и Майнца, твердо датируемых ранним периодом Ванского царства, четко указывает на раннее происхождение как форм, так и орнаментальных мотивов этих сосудов, которые дополняются находками из Ереванской гробницы и Аргиштихинили.

При рассмотрении этих сосудов хотелось бы остановиться на одной чаше-фиале из Головинского могильника, диаметром в 15,5 см, с вертикальными бортами, днище и нижняя часть тулова украшены 18 лепестковой розеткой, в центре которой имеется вдавленный кружочек⁹⁸.

Однако новые находки бронзовых чаш-фиал, среди которых имеются и аналогичные головинскому из Кармир-блур с надписью «Собственность Сардури»⁹⁹ и из центральных районов Ванского царства¹⁰⁰, четко показывают, что Головинская чаша также относится к урартским изделиям.

Последняя группа металлической посуды представлена фрагментарно, вернее, двумя сохранившимися бронзовыми ручками от различных сосудов. Одна из них крупная, удлиненной формы, слегка граненая. Вторая—несколько меньших размеров. Она круглая в сечении, и в части изгиба имеет небольшой шипастый выступ. На первый взгляд эти ручки перекликаются с ручками котлов-ситул, хорошо известных из Игдыра и Кармир-блур. Эти сосуды, уже неоднократно, были предметом специального исследования (Иессен, Куфтин, Пиотровский, Крупнов, Техов и др.) благодаря которым выявлено, что они имеют кавказское происхождение и проникли в южные районы Закавказья и на Армянское нагорье в основном в VIII—VI вв. до н. э.¹⁰¹. Однако, как известно, ручки подобных сосудов имеют по два выступа, придающих им форму головок хищников. Наши же экземпляры, как уже говорилось, первый снабжен одним шипастым выступом, второй же, гладкий. Это обстоятельство заставляет отказаться от мнений, что эти ручки являются фрагментами ситул. Скорее

всего, это ручки металлических сосудов, которые напоминают хорошо известные красноангобированные двуручные кубки с вытянутым туловом и высокой шейкой. Часть ручек этих сосудов снабжена шипастыми выступами, но большей частью они гладкие. Подобные сосуды хорошо известны из Аргиштихинили¹⁰², Эребуни, городских кварталов Тейшебаини, в погребении на улице Туманяна (Ереван)¹⁰³, Ошакан¹⁰⁴ и многих памятников Западной Армении и Ирана (Эвоглу, Тепе-Лумбат, Нушиджана, Геой-тепе, Зивие, Патноца, Айкаберда, Бастама и т. д.)¹⁰⁵.

По своей форме они напоминают кубки в руках данников, изображенных на рельефе Ксеркса в Персеполе, которые по предположению ученых представлены армянами, преподносившими дар персидскому царю¹⁰⁶.

Эти находки с одной стороны показывают, что в Ванском царстве наряду с глиняными кубками использовались и металлические, а с другой, что характерные биайнские сосуды бытовали в Армении и в ахеменидский период. О том, что на упомянутой части рельефа Ксеркса изображены армяне, свидетельствуют и наблюдения Б. Б. Пиотровского. Как известно, Руса II после победы Ашурбанипала над Эламом послал своих послов приветствовать ассирийского царя. Судя по изображениям на рельефах послы, присутствовавшие при жестоких казнях эламития, носили на головах мягкие войлочные шляпы с кистями, которые с полным основанием сопоставляются со шляпами арменов, изображенных на указанных рельефах в Персеполе¹⁰⁷.

Большую группу найденных в гробнице изделий составляют украшения. К их числу относится бронзовая булава в виде круглого стержня с крупным валикообразным выступом в верхней части, которая украшена двумя-тремя рельефными линиями. Булавка завершается четырьмя рельефными бараньими головками. Аналогичные булавы с выступами в виде фигурок животных или их головок, хорошо известны из Кармир-блуре, погребений близ Армавирского холма¹⁰⁸, Ошакана¹⁰⁹ и Нор Ареша, где они завершаются птичьими фигурами¹¹⁰. Близкая по форме булава, которая в отличие от указанных, завершается не фигурами или головками животных, а четырьмя крючковидными выступами, известна из Игдыра и села Ацхари Ахалцихского района¹¹¹. Несколько отличается по форме булава из Мусиери с навершием в виде сидящей птицы¹¹².

Другую большую группу украшений составляют змееголовые браслеты (8 штук). Все они мас-

сивные, крупные, цельноотлитые. Положены они в погребение в искривленном, обломанном виде, а в двух случаях с обрубленными головками. Эти браслеты делятся на два типа. Шесть из них, образующие браслеты первого типа, имеют гладкий корпус и несколько отличаются друг от друга по оформлению головок змей. Некоторые из них имеют небольшие узкие головки, с заостренной мордой и четко отмеченными глазами. У других головки более крупные, почти квадратные, с широкими мордами и рельефными глазами, отмеченными надбровными дугами. Ко второму типу относятся два других браслета, отличающиеся лишь зубчатой формой тулова.

Эти браслеты, хотя и не относятся к распространенным биайнским изделиям, достаточно известны. Так, они часто встречались в Игдырском некрополе, где аналогичные головки Б. А. Куфтин называет львиноголовыми. Однако он же указывает, что вытянутость головок некоторых браслетов напоминают змееголовые.

Подобные браслеты происходят также из Армавира и села Заким, бывшего Ольтинского округа¹¹³.

После публикации Б. А. Куфтина количество находок подобных браслетов значительно возросло. Так, они хорошо известны из могильника Эребуни в Нор-Ареше, с ребристой поверхностью и четко отмеченными деталями голов—глаз, надбровных дуг и челюстей¹¹⁴. Найдены подобные браслеты и при раскопках цитадели Эребуни, где они имеют несколько вытянутую форму головы¹¹⁵, и чаще совершенно аналогичны обоим типам браслетов из Ереванской гробницы¹¹⁶. Змееголовые браслеты найдены также в Кармир-блуре, где среди прочих находок имеется замечательный золотой браслет с четко отмеченными деталями головы¹¹⁷, а также из Арцке и Патноца (Дедели)¹¹⁸.

Змееголовые браслеты хорошо известны из «местных» памятников на территории Республики Армения, где они появились под влиянием биайнского ювелирного искусства или же являлись изделиями биайнских мастеров. К их числу относятся замечательные браслеты из Муханнат-тапа (Ереван), Армавира, Астхадзора, Атарбекяна, Хзнауза, Бджни, Мухана, Камо, Вардениса, Одзуна, Кобера, Шамшадина и т. д.¹¹⁹.

К числу украшений относится небольшое количество крупных бочковидных (28 штук) и шаровидных (12 штук) агатовых бус. Вместе с ними найдены и три дисковидные бусы—разделители. Все они имеют двустороннее сверление, великолеп-

но отшлифованы и являются прекрасными образцами биайнского ювелирного искусства.

Бусы с подобной отделкой хорошо известны из раскопок Кармир-блур и лишь изредка встречаются в Эребуни.

В группу украшений входят также фрагменты бронзовых трубок и металлических подвесок. Здесь же найдены бронзовый слиток, изогнутый бронзовый предмет и две треножные подставки от каких-то предметов. Найден также необработанный обсидиановый отщеп.

К последней группе замечательных предметов биайнского прикладного искусства относятся, фрагментарно сохранившиеся, бронзовые пояса. Они богато украшены различными гравированными изображениями и, без сомнения, являются ценным источником для исследования культуры и искусства Ванского царства и сопредельных с ним областей.

Находки этих, как и ранее найденные на территории Республики Армения, бронзовых поясов происходят по большей части из планомерно исследуемых и четко датируемых памятников, что и повышает их научную ценность. Вместе с тем, они дают возможность, уточнения датировок случайно найденных поясов, среди которых также встречаются уникальные, к сожалению, несколько обесцененные из-за отсутствия сопровождающих комплексов.

Эти пояса нашивались на кожаную или матерчатую основу, что делало их удобными при употреблении и, кроме того, служило дополнительной защитой, смягчая удар от оружия противника. Многие исследователи начиная от Жака де Моргана (Пиотровский, Кушнарева, Мартиросян, Есян и др.) считают, что бронзовые пояса были продолжением панциря, являясь составной частью доспеха, что и подтверждают новые данные.

Так, атрибутами многих бронзовых статуэток воинов начала I тыс. до н. э., найденных на территории Республики Армения, являются копье, кинжал, щит и пояс¹²⁰. То же самое наблюдается в искусстве Ванского царства и Ассирии. Так, воины царя Араме (около 860—840 гг. до н. э.), судя по сценам Балаватских ворот, изображены в шлемах с гребнем, небольшими круглыми щитами и поясами¹²¹. Помимо своей основной защитной функции, пояса выполняли и другую—культовую. По словам Б. Б. Пиотровского, «опоясывание», заключение в круг, было магическим средством защиты от злых сил¹²², вместе с тем сочетало в себе определенную связь с астральными представлениями¹²³.

Подобной точки зрения придерживался и Р.

Гиршман¹²⁴. Четкую, но краткую характеристику закавказским поясам, которую целиком можно отнести и к биайским, дал А. А. Мартиросян, считавший, что бронзовые пояса, встречавшиеся в могильниках Закавказья, относятся безусловно к военному снаряжению, но военно-защитная их значимость сходит совершенно на второй план при первом же ознакомлении с изображениями на них и поэтому большая часть исследователей считает их культовыми предметами¹²⁵.

Бронзовые пояса из Ереванской гробницы вполне подходят под это определение. По своим размерам и орнаментальным мотивам они делятся на две группы. Первая состоит из двух широких (19 см), длинных поясов, украшенных сценами охоты. После реконструкции первого пояса этой группы выяснилось, что он имеет длину около 1.20 м. Бюрок украшен двурядными линиями, сверху которых по кромке бортов проходят многочисленные сквозные отверстия для пришивания к кожаной основе. Вся лицевая поверхность пояса заполнена сценами охоты, причем большая часть их изображена справа налево. В левой части сохранились изображения многочисленных быков, расположенных двумя рядами друг над другом. На двух фрагментах, расположенных несколько правее, наблюдаются следы боевых колесниц и львов. На следующем крупном фрагменте сохранились многочисленные изображения скачущих коней. На шести последующих фрагментах видны изображения львов, всадников и боевых колесниц. Последний крупный правый фрагмент этого ряда наиболее насыщен различными изображениями. Изображения представлены пятью расположенными друг над другом боевыми колесницами, нападающими на них львами и преследующими этих хищников всадниками. Эта композиция повторяется дважды. Правая сторона рассматриваемого пояса состоит из трех рядов чередующихся изображений: львов и боевых колесниц, перед которыми расположены в два ряда всадники, преследующие львов и быков. Правый конец пояса завершается рамкой, в которой расположены четыре фигуры львов (верхний угол сломан).

Несмотря на фрагментарность пояса, здесь видна широко распространенная в искусстве Ванского царства композиционная сцена охоты.

На этих изображениях все фигуры охотников и животных показаны в стремительном движении. Часть фигур быков, лошадей и львов изображены в стремительном паническом бегстве со сгруппированными для прыжка ногами, с высоко поднятыми хвостами, другие же агрессивно нападают на всад-

ников или воинов, стоящих в колесницах. Вместе с тем, древние художники, сохраняя присущую им черту тщательного подчеркивания деталей фигур животных (тулова, головы, рога, глаза, ноздри, гривы, мышцы ног), во многих случаях изображают их в стилизованном виде или несколькими штрихами, передавая отдельные детали.

Огромное значение для изучения графического искусства Ванского царства имеют изображения фигур охотников, всадников и колесничих.

На поясе изображены легкие колесницы, в которых стоят возничий и воин—лучник. Ни на одном изображении не вырисованы дышла, и кони как бы скачут свободно; четко прорисованы только поводья. Колеса у отдельных колесниц разные—с четырьмя или шестью спицами. В обоих случаях спицы фигурные и лишь у четырех колесниц—в виде прямых, перекрещивающихся планок. Всадники в длиннополох кафтанах, украшенных бахромой, головных уборах, в виде остроконечных шлемов, мягких круглых или остроконечных шапочках. Они управляют конями уздечками или острой палкой. Часть коней скачет с развешивающимися, а другие с подвязанными хвостами, головы их украшены султанами. Всадники вооружены копьями и не имеют характерных для подобного типа изображений щитов. Колесничие обычно в остроконечных племах и вооружены луками и стрелами. Возницы в левой руке держат короткие палки, по-видимому, рукоять плети.

Второй пояс, (длина сохранившейся части около 1 м) имеет аналогичный первому поясу бордюр, однако в отличие от него, расположение фигур в двух композиционных частях—левой и правой—одинаковы.

На двух фрагментах левой стороны пояса, полностью или частично, сохранились изображения шести крылатых быков в стремительном беге. Часть из них с приоткрытыми ртами, иногда с высунутыми языками, другие—с закрытыми ртами. На другом крупном фрагменте изображены крылатые фантастические существа: крылатые кони с ногами в виде львиных лап или копыт, крылатые львы с клювом хищной птицы, крылатые птицы с львиными лапами и рыбьими хвостами. В центре фрагмента навстречу коню с львиными лапами движется стилизованная фигура коня, тело которого украшено извилистыми черточками.

На третьем крупном фрагменте левой стороны, изображены также фантастические существа, расположенные в пять рядов по вертикали. В левой части фрагмента сохранилось изображение четырехспицевого колеса, над которым, навстречу обще-

му потоку, движется фигура хищника, отдаленно напоминающая льва.

Во всех рядах этого фрагмента расположены, почти одни и те же животные—крылатые кони, крылатые быки с головами хищных птиц, голова какого-то животного, отдаленно напоминающего медведя, львы, быки и кони. В конце полосы видны следы изображений трех колесниц. Хотя на них не сохранились изображения возничих и лучников, на двух прорисовываются натянутые поводья, а на другой рука с натянутой тетивой лука. Как и на первом поясе, часть голов коней украшена лишними султанами. Сзади этих колесниц имеются изображения львов и, по-видимому, быков, которые нападают на эти колесницы. За колесницами в обратном направлении следуют фигуры львов и быков, которые, очевидно, нападают на преследовавших их всадников (фигуры всадников не сохранились). Правая полоса сохранилась фрагментарно, не завершаясь бордюром, свидетельствуя о том, что пояс имел большую длину. Эта часть пояса также богато украшена изображениями фантастических животных. Здесь, как и в левой части, имеются изображения аналогичных крылатых львов, быков и коней, которые, однако, трактуются в несколько ином плане.

Часть из них имеет головы хищных птиц, у большинства же хвосты не приспущены, а сильно изогнуто подняты вверх или повисают над спинами животных. Четко обозначены гривы крылатых коней. Здесь встречаются совершенно новые изображения. К их числу относятся семь фантастических существ расположенных в три ряда по вертикали. Это крылатые львы с рыбьими хвостами и женскими головами, человеческими нсгами или когтями хищной птицы. У всех этих фигур четко отмечены небольшие миндалевидные глаза, слегка приоткрытые рты, небольшие носы, чуть выдвинутые или еле заметные округлые подбородки. Головы всех фигур покрыты круглыми мягкими шапочками, из под которых ниспадают на плечи волнистые волосы. Перед ними, в статичном положении, два ряда крылатых фантастических двуногих существ с бычьими головами, разинутыми ртами, высунутыми длинными острыми языками, ноги завершаются когтями хищных птиц, хвосты короткие, слегка заостренные, стилизованные. Львы переданы в плавном движении, с изогнутыми над спиной хвостами. Последний ряд этого фрагмента заполнен шестью, расположенными по вертикали, боевыми колесницами, колеса которых снабжены шестью ажурными спицами. Как и на первом поясе, колесницы изображены без дышел, но вы-

рисовываются следы поводьев. Во всех шести колесницах нет людей, но над второй и третьей колесницей имеются изображения рук, держащих натянутые луки. Изображение коней переданы также в разной трактовке. Кони, запряженные в две верхние и две нижние колесницы, изображены в стремительном беге со сгруппированными, слегка приподнятыми передними и вытянутыми задними ногами. В то же время, кони двух средних колесниц изображены как бы в церемониальном марше. Они движутся свободно, с высоко приподнятыми левыми ногами. Самым интересным сюжетом этого фрагмента является небольшая сцена расположенная между фигурами львов, крылатых быков и фантастических существ с женскими головами. Здесь изображен крупный как бы поваленный бык, на хвост и спину которого наступил лев, заживо пожирающий свою жертву. Хотя фигура хищника передана полностью, его голова скрыта за тушей быка и виден лишь край торчащего уха. Эта характерная сценка, метко подмеченная и переданная древним художником, говорит о том, что, даже в момент смертельной опасности, разъяренные звери могут напасть на более слабых и разгрызть их.

На трех крайне правых небольших фрагментах сохранились изображения копей преследующего быка, от которого виден лишь хвост, скачущего коня и нападающего на него льва, а также всадника, на которого нападает лев. Особенно примечательно, что на шее льва, изображенного в отчаянном прыжке с оторванными от земли четырьмя лапами, помещена фигура небольшой птицы. Эта трактовка, насколько нам известно, не встречается в биайпском искусстве, но хорошо перекликается с целым рядом сцен охоты на закавказских поясах, где птица выступает в роли покровителя того существа над которым она помещена.

Пояса с близкими композиционными сюжетами или аналогичными фигурами животных хорошо известны по находкам в различных частях Ванского царства. К их числу относятся бронзовые пояса из Аданского музея, где имеются фрагменты охотничьих сцен, когда воины в колесницах преследуют быков и львов¹²⁶. На другом фрагменте пояса, из этого же музея, имеются близкие по форме изображения крылатых быков и крылатых антропоморфных существ. Особенно интересен фрагмент пояса из этого же музея, на котором крылатые фантастические существа с человеческими головами и с рыбьими хвостами в точности повторяют подобные фигуры на втором поясе из Ереванской

гробницы. В отличие от наших они изображены в шлемах и стреляют в убегающих львов. Аналогичные изображения женских существ и крылатых быков, в статичном положении, имеются на одном из поясов, хранящихся в токийском музее Восточного искусства: вместе с быками и львами имеются изображения скачущих зайцев¹²⁷. Особенно интересно, что изображение скачущего зайца, как уже говорилось выше, было обнаружено на донышках одной урны и миски из Ереванской гробницы.

В токийском музее имеется массивный пояс (№ 25) весь покрытый охотничьими сценами, где воины в колесницах преследуют быков и львов. Хотя по сюжету он близок нашим поясам, но отличается композиционным планом. Пояс имеет три полосы, отделенных друг от друга розетками, в каждой из которых повторяются близкие по сюжету сцены, выполненные в статичном положении. Пояса с охотничьими сценами хорошо известны также и по находкам в центральных районах Ванского царства, ныне хранящихся в музеях Западной Европы. К их числу относятся фрагменты и целые пояса, хранящиеся в музеях Лез Аркса, Базеля, Парижа, Мюнхена¹²⁸. Статичные изображения крылатых быков с рыбьими хвостами и мифических существ с головами женщин, которые стреляют из лука, встречаются на поясе из Мюнхена¹²⁹.

Кроме случайных находок, пояса с охотничьими сценами имеются и в четко зафиксированных памятниках—Каялндере, Эребун¹³⁰ и тлийского могильника¹³¹, хотя совершенно различны композиционно.

Как видим, оба пояса из Ереванской гробницы относятся к биайпским поясам с батально-охотничьими и мифическими сценами, широко распространенными в искусстве Ванского царства. Изучение этой группы поясов показывает, что наряду с различными композициями, переданными по всей длине, имеются пояса, где близкие по теме композиции чередуются в отдельных полосах, отделенных друг от друга розетками, пальметками или вертикальными линиями образуя своеобразные рамки. Анализ композиционных сцен этих поясов, оформлений их бордюров как и элементов (различное трактование фигуры, или наличие тех или иных животных, людей, шеду, гениев и т. д.) показывает, что мастера-граверы, украшающие эти пояса, имели определенную свободу как в трактовке мифических и реальных образов, так и в выборе композиционных тем предложенных заказчиками.

Третий пояс из Ереванской гробницы относится к редко встречающимся в искусстве Ванского

царства поясам с геометрическим орнаментом. Он сохранился в виде пяти небольших фрагментов общей длиной 26 см, шириной 9.5 см. По краям его проходит низкий бордюр в виде двух параллельных линий, над которыми расположены многочисленные отверстия для пришивания. Поверхность пояса разделена на четыре полосы шириной 1.5 см, между которыми оставлены свободные пространства шириной 0.6 см. По обе стороны каждой полосы (по всей длине) расположены равнобедренные треугольники, украшенные точечным орнаментом, а свободное пространство между ними создает видимость зигзагообразной линии. Этот мотив впервые встречается среди поясов с геометрическим орнаментом в Ванском царстве, где до сих пор хорошо были известны пояса с точечным и реже со спиралевидным рисунком. Вместе с тем следует отметить, что этот декор известен в оформлении бордюра бронзовых поясов из Кировакана и Мингечаура¹³².

Последним рассматриваемым изделием, найденным в Ереванской гробнице является печать, вырезанная из гишера (высота 2.4 см, диаметр 1.4 см). Она гиревидная, имеет слегка сужающееся тулово и снабжена кольцевидным ушком, со слегка смещенным от центра сквозным отверстием для подвешивания. На плоской лицевой стороне печати изображена птица с широко раскрытыми крыльями, с тонкими когтистыми ногами. Перед заостренным клювом, треугольной формы, вырезано несколько неясное изображение, в виде полукруглых линий, в котором, предположительно, можно угадать змею (табл. XXI). По всей вероятности здесь изображена одна из наиболее распространенных сцен, относящихся, к так называемому, «народному стилю» биайнских печатей, выделенных Е. Порадой¹³³.

Подтверждением широкого распространения печатей подобного стиля может служить оттиск печати на небольшом карасе из Аргиштихинили. На этом оттиске видно рельефное изображение птицы, которая правой ногой придавила хвост змеи, а клювом схватила ее голову. Над крыльями птицы выведен молодой полумесяц, указывающий на небесно-космическое происхождение птицы, и змея-противоборствующее начало зла, а вся сцена — борьба двух сил космической стихии¹³⁴.

На сегодняшний день известно довольно большое количество урартских печатей, которые происходят из многих центров Ванского царства — Эребуни, Аргиштихинили, Бастам, Топрах-кале, Ошакан и особенно много печатей было найдено в

Тейшебаини. В специальной литературе, посвященной их изучению, печати по формам разделены на три вида-штемпели с зооморфной фигуркой в верхней части, цилиндрические печати и наиболее распространенные гиревидные и колоколовидные¹³⁵. Гиревидные печати, к которым относится и рассматриваемая нами из Ереванской гробницы, найдены на всей территории Ванского царства — Эребуни¹³⁶, Аргиштихинили¹³⁷, Тейшебаини¹³⁸, в Западной Армении¹³⁹ и на территории Ирана — Бастам¹⁴⁰. Хотя большинство их найдено в памятниках VII в. до н. э., но находки в памятниках VIII в. до н. э. — Эребуни и Аргиштихинили говорят о том, что многие имеют более раннее происхождение.

Анализ археологического материала гробницы четко показывает, что изделия найденные здесь относятся к первому периоду Ванского царства и, по всей вероятности, датируются VIII в. до н. э. Решающую роль для датировки этого интересного комплекса играют не металлические изделия, которые, как известно, бытуют и в более поздних памятниках, а керамика, которая вместе с немногочисленными находками из Эребуни и Аргиштихинили образует небольшую группу изделий гончарного производства Ванского царства раннего периода.

В настоящее время, трудно сказать какому городу — Эребуни или другому нам неизвестному (город на холме Кармир-блур отпадает, так как гробница была сооружена раньше города Тейшебаини) поселению принадлежал некрополь, где находилась эта гробница. Предполагать наличие иных поселений, нас заставляет большая удаленность его от Эребуни. О наличии иных поселений на территории Еревана свидетельствуют многочисленные находки урартских изделий обнаруженные в различных пунктах города, достаточно удаленных друг от друга — на ул. Туманяна, в Чарбахе, Норагавите и т. д. По-видимому, территория Еревана, как и вся Араратская долина, была покрыта более густой сетью урартских поселений, чем предполагалось до настоящего времени. Об этом свидетельствуют обнаруженные урартский слой в Арташатс, находка В. Аветяном урартского погребения близ села Ванашен, Араратского района. (Кстати, им же был обнаружен замечательный одноручный кувшин с венчиком, в виде ойнахи, в новом микрорайоне Техут г. Капана, что, вместе с сисианской надписью и крупной бронзовой фигуркой льва из горисского краеведческого музея, являются еще одним свидетельством пребывания биайнийцев в Зангезуре).